

ARTICLE 19

ИНСТИТУТ
МЕДИА
ПОЛИСИ

Кыргызстан: Свобода выражения мнения и «экстремизм»

Ноябрь 2020

Отчёт

Артикль 19

Центр свободы слова
Фаррингдон Роуд, 60
Лондон
EC1R 3GA
Великобритания

Тел.: +44 20 7324 2500
Факс: +44 20 7490 0566
Эл. почта: info@article19.org
Веб-сайт: www.article19.org
Твиттер: [@article19org](https://twitter.com/article19org)
Фейсбук: facebook.com/article19org

A19/ECA/2021/003/Kyrgyz

© ARTICLE 19, 2020

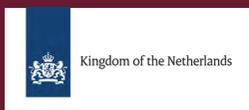
Работа предоставлена по лицензии Творческого сообщества Attribution-Non-Commercial-Share-Alike 2.5. Вы можете копировать, распространять, демонстрировать эту работу и создавать производные работы, за исключением использованных лицензированных изображений, принадлежащих другим организациям, при условии, что вы:

- (1) даете ссылку на АРТИКЛЬ 19;
- (2) не используете эту работу в коммерческих целях;
- (3) распространяете какие-либо работы, произведенные на основе данной публикации, по лицензии, аналогичной этой.

Полный юридический текст лицензии доступен по ссылке: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.5/legalcode>.

Организация АРТИКЛЬ 19 будет благодарна за получение копии любых материалов, в которых использована информация из данного отчета.

Отчет стал возможным благодаря поддержке Министерства Иностранных Дел Нидерландов

Преамбула

В этом отчете АРТИКЛЬ 19 и Институт Медиа Полиси исследуют закон Кыргызстана об «экстремистском» контенте, в частности, ту часть ограничений, которая обычно именуется «языком вражды», и практическое применение этого закона.

Подобно правительствам многих стран мира, Кыргызстан разработал и принял законы и подзаконные акты по борьбе с «экстремизмом». АРТИКЛЬ 19 отмечает, что существует несколько ключевых проблем как в национальном законодательстве, так и в обеспечении его применения. Из-за слишком расплывчатой и неопределенной терминологии существует высокий риск чрезмерно широкого толкования и применения закона. Это особенно тревожно, если закон предусматривает суровые уголовные наказания для его нарушителей. АРТИКЛЬ 19 и Институт Медиа Полиси считают, что действующее законодательство в своей нынешней форме не соответствует ни требованиям статьи 31 Конституции Кыргызстана, ни международным обязательствам государства в области прав человека.

В этом отчете АРТИКЛЬ 19 и Институт Медиа Полиси также приводят тематическое исследование дела «Сентябрьское ТВ», демонстрирующее, как это законодательство применяется на практике. В августе 2018 года транслируемое каналом интервью было сочтено «экстремистским материалом». На этом основании районный суд Бишкека удовлетворил ходатайство генерального прокурора о прекращении работы канала и запрете на распространение любых программ, производимых каналом, через любые другие средства массовой информации. Этот случай показывает, как законы об «экстремистском» контенте могут привести к серьезным ограничениям свободы выражения мнения. АРТИКЛЬ 19 и Институт Медиа Полиси подчеркивают, что подобные решения возможны из-за «экстремистских» законов, имеющих чрезмерную сферу применения и недостаточно защищающих свободу выражения мнения.

Ключевые рекомендации

- Правительству следует срочно пересмотреть свое законодательство о «борьбе с экстремизмом» и «языком вражды» и привести его в полное соответствие с международными стандартами свободы слова. «Контрэкстремистские» законы в их нынешнем виде должны быть отменены. В частности, следует существенно пересмотреть положения статей 313 и 314 Уголовного кодекса и отменить статью 315 Уголовного кодекса;
- Во всем соответствующем законодательстве следует последовательно определять запрещенные формы «языка вражды» и соблюдать терминологическое

единообразии. Сюда также входит последовательный подход к защищаемым характеристикам;

- Все правовые ограничения «языка вражды» должны соответствовать требованиям законности (т.е. они должны быть достаточно ясными и точными), необходимости (т.е. они должны быть необходимы для достижения одной из правомерных целей ограничения свободы выражения мнения в соответствии с международным правом, например, защита прав других лиц) и соразмерности (т.е. конкретное ограничение может быть наложено только в том случае, если менее ограничительной альтернативы недостаточно). Все юридические ограничения на «язык вражды» должны быть сформулированы со ссылкой на шестифакторную проверку, изложенную в Рабатском плане действий;
- В случаях «языка вражды» в соответствии с гражданским законодательством должно быть доступно возмещение ущерба в качестве менее ограничительной альтернативы уголовным санкциям (а в случае организаций и СМИ – квазиуголовным санкциям, таким как закрытие или приостановление деятельности). Это включает в себя возможность для жертв «языка вражды» и НПО добиваться возмещения материального и нематериального ущерба, а также права на исправление и ответ (в случае «языка вражды» в СМИ) и/или публичного извинения;
- Суды должны толковать и применять все законодательные положения, ограничивающие «язык вражды» и «экстремизм», в соответствии с требованиями международного права в области прав человека. При определении того, подпадает ли конкретное утверждение под запрещенную категорию, анализ никогда не должен ограничиваться языком этого утверждения. Суды и правоохранительные органы, отвечающие за расследование дел о «языке вражды», всегда должны устанавливать намерение говорящего вызвать запрещенные последствия. Кроме того, они всегда должны учитывать вероятность причинения вреда заявлением – а значит, учитывать контекст, в котором оно было сделано, его масштабы, а также положение говорящего и его авторитет или влияние на аудиторию;
- Судам и правоохранительным органам следует как можно меньше опираться на экспертные оценки в делах о «языке вражды». Им следует обращаться за экспертным мнением только в том случае, если действительно необходимы специальные знания для интерпретации или оценки конкретных доказательств. Суды ни в коем случае не должны подменять собственную оценку сторонней экспертизой;

-
- Судьи, сотрудники правоохранительных органов и другие релевантные должностные лица (например, те, кто участвует в регулировании деятельности СМИ) должны проходить всестороннюю и регулярную подготовку по международным стандартам в области прав человека и сравнительной передовой практике, касающейся «языка вражды»;
 - Правоохранительные органы совместно с экспертами и гражданским обществом должны разработать руководящие принципы проведения расследований по делам о «языке вражды» в соответствии с международными стандартами в области прав человека.

Содержание

Введение	5
Применимые международные стандарты в области прав человека	7
Общий охват права на свободу выражения мнения	7
Ограничение свободы выражения мнения на основании «экстремизма»	8
Ограничения на «язык вражды»	10
Обязанность запрещать	11
Допустимые ограничения	13
Законное выражение мнения	13
Законодательство Кыргызстана о языке вражды и обеспечении его выполнения	15
Конституционная база	15
Уголовное право	16
Прямая криминализация «языка вражды»	17
Непрямая криминализация под видом борьбы с «экстремистскими» организациями	18
Криминализация производства и распространения материалов, содержащих «язык вражды»	20
Законодательство о «борьбе с экстремизмом»	21
«Язык вражды» как форма «экстремизма»	21
Меры против «экстремистских высказываний»	23
Обеспечение выполнения законов о «языке вражды»	25
Дело «Сентябрь ТВ»	28
Ключевые проблемы национального законодательства и обеспечения его выполнения	31
Рекомендации	34
Об АРТИКЛЬ 19 и Институте Медиа Полиси	38

Введение

В этом отчете АРТИКЛЬ 19 и Институт Медиа Полиси рассматривают определенные части законодательных ограничений на свободу выражения мнения, которые были приняты в Кыргызстане, как утверждает, для борьбы с «экстремистским» контентом.

Рассматриваемые ограничения, введенные под формулировкой «экстремизм» в Кыргызстане, охватывают широкий спектр поведения и выражения мнений, часто определенных нечетко. Они включают уголовное наказание в отношении отдельных лиц (как спикеров, так и тех, кто участвует в распространении запрещенного контента), квазикриминальные меры в отношении неправительственных организаций и средств массовой информации (принудительное закрытие) и меры, направленные на прямое ограничение контента (удаление контента, помеченного как «экстремистский материал») из обращения.

Учитывая путаницу вокруг понятия «экстремизм» в Кыргызстане, в отчете АРТИКЛЬ 19 и Институт Медиа Полиси основное внимание уделяется той части ограничений, которые обычно называют «ограничениями языка вражды».¹ Законодательство Кыргызстана не использует термин «язык вражды» как таковой; вместо этого используются иные формулировки: «разжигание враждебности (враждебных действий)», «разжигание разногласий» и «пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности» (на основе различных защищаемых характеристик). Однако «язык вражды» — это удобное сокращение для обозначения этих различных категорий запрещенных дискриминационных высказываний. Было бы неверно использовать формулировки международных договоров по правам человека и называть это ограничениями «разжигания ненависти», поскольку на практике под ними понимались высказывания, не достигающие порога подстрекательства.

Не все категории высказываний, запрещенных киргизским законодательством о борьбе с экстремизмом, могут быть связаны с «языком вражды». АРТИКЛЬ 19 и Институтом Медиа Полиси решено сосредоточиться только на являющихся таковыми по ряду причин.

- Во-первых, разрозненные категории высказываний, запрещенных под эгидой «экстремизма», не обладают заметной объединяющей характеристикой

¹ Термин «язык вражды» не имеет определения в международном праве в области прав человека. Как описано ниже, международные стандарты требуют различного реагирования на различные типы «языка вражды» в зависимости от уровня серьезности. По этим причинам АРТИКЛЬ 19 использует термин в кавычках.

кроме искусственного их объединения законодателями под этим названием. АРТИКЛЬ 19 выступает против использования «экстремизма» в качестве правовой концепции, особенно в качестве основания для ограничения прав. Следовательно, обсуждая все «контрэкстремистские» ограничения вместе, мы опасаемся усилить эту ошибочную концепцию.

- Во-вторых, опыт показывает, что ограничения, связанные с «языком вражды», зачастую используются для преследования правомерных высказываний мнения, часто за критику властей или противоречие утвержденным государством нарративам. Эта порочная практика стала возможной благодаря расплывчатым формулировкам законов о «языке вражды», которые легко допускают чрезмерные применения и злоупотребления.
- В-третьих, ограничение некоторых случаев «языка вражды» не только правомерно, но может даже потребоваться. Международное право прямо обязывает государства запрещать самые серьезные формы «языка вражды», если они равносильны подстрекательству к дискриминации, вражде или насилию. Лица, принимающие решения на национальном уровне, могут рассматривать это как веское оправдание – или предлог – для широких ограничений. Однако не все высказывания, содержащие «язык вражды», можно правомерно ограничить. В то время как уместные (узко определенные) ограничения служат цели продвижения равенства и недискриминации, найти правильный баланс между этой целью и защитой свободы выражения мнений – задача непростая.

Сфокусированность этого отчета на «языке вражды» не означает одобрения других ограничений, налагаемых на свободу выражения мнения в соответствии с законами о «борьбе с экстремизмом».

Структура отчета выглядит следующим образом. Во-первых, в отчете очерчиваются международные стандарты в области прав человека, которые касаются ограничений права на свободу выражения мнений на основании «экстремизма». Во-вторых, в отчете исследуется законодательство Кыргызстана об «экстремизме» и «языке вражды» и рассматривается его соответствие соответствующим международным стандартам. В-третьих, в нем описывается, как это законодательство применяется на практике; и, наконец, он предлагает рекомендации по приведению законодательства и практики в соответствие с международными стандартами в области прав человека.

АРТИКЛЬ 19 и Институт Медиа Полиси надеются, что рекомендации в этом отчете будут полезны правительству Кыргызстана, СМИ, гражданскому обществу и другим заинтересованным сторонам в дальнейших реформах в этой области.

Применимые международные стандарты в области прав человека

Общий охват права на свободу выражения мнения

Право на свободу выражения мнений защищено Статьей 19 Всеобщей декларации прав человека² и наделено юридической силой на основании Статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) и региональных договоров о правах человека.³ Как государство-участник МПГПП Кыргызстан должен обеспечить, чтобы его законодательство, касающееся свободы выражения мнения, соответствовало Статье 19 МПГПП, в том виде как она интерпретируется Комитетом по правам человека (КПЧ), а также рекомендациям специальных докладчиков.

Охват права на свободу выражения мнений широк. Он требует от государств гарантировать всем людям свободу искать, получать или распространять информацию или идеи любого рода, независимо от государственных границ, любыми средствами по выбору человека.

Однако право на свободу выражения мнения не является абсолютным. В соответствии со статьей 19 (3) МПГПП, высказывания могут быть ограничены в некоторых исключительных обстоятельствах, если любые ограничения:

- Предусмотрены законом: все соответствующее законодательство должно быть сформулировано с достаточной точностью, чтобы люди могли соответствующим образом регулировать свое поведение;
- Преследуют правомерную цель: перечень таких ограничений является исчерпывающим и включает уважение прав или репутации других, защиту национальной безопасности или общественного порядка (*ordre public*), а также охрану общественных здоровья или морали;

² Генеральная Ассамблея ООН, Всеобщая декларация прав человека, 10 декабря 1948 г., 217 А (III).

³ Статья 10 Европейской конвенции о правах человека; Статья 9 Африканской хартии прав человека и народов; и статья 13 Американской конвенции о правах человека.

-
- Необходимы и соразмерны в демократическом обществе: если менее интрузивная мера способна достичь той же цели, что и более ограничительная, должна применяться наименее ограничительная мера.

Ограничение свободы выражения мнения на основании «экстремизма»

В международном праве нет согласованного определения «экстремизма», и этот термин часто используется как взаимозаменяемый с термином «терроризм», который также не имеет определения.⁴ Оба термина относятся к ограничению свободы выражения мнения по соображениям национальной безопасности.

Защита свободы выражения мнения в контексте национальной безопасности является предметом серьезных дискуссий в течение ряда лет как на международном, так и на национальном уровне. В частности, в соответствии с международным правом общепризнано, что права человека, включая свободу выражения мнений, должны соблюдаться при борьбе с терроризмом/экстремизмом и не должны произвольно ограничиваться. Например, в резолюции 1456 (2003) Совета Безопасности ООН говорится, что:

Государства должны обеспечить, чтобы любые меры, принимаемые в целях борьбы с терроризмом, соответствовали всем их обязательствам по международному праву, и им следует принять такие меры в соответствии с международным правом, в частности в области прав человека, беженского права и гуманитарного права.⁵

Комиссия ООН по правам человека также издала резолюции, напоминающие странам «воздерживаться от использования борьбы с терроризмом в качестве предлога для ограничения права на свободу мнений и их свободное выражение способами, которые противоречат их обязательствам согласно международному праву».⁶

⁴ См., например, УНП ООН, [Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах противодействия терроризму](#), 2009 г., п.4; или [Использование Интернета в террористических целях](#), 2012 г., п. 49.

⁵ Резолюция 1456 от 2003 года, пункт 6. См. также резолюцию 60/288 Генеральной Ассамблеи от 20 сентября 2006 года о Глобальной контртеррористической стратегии.

⁶ Резолюция 2003/42 Комиссии по правам человека; Резолюция 2004/42 Комиссии по правам человека; Право на свободу убеждений и их свободное выражение; или Резолюция о правах человека 2005/38.

Более того, в Йоханнесбургских принципах «Национальная безопасность, свобода выражения мнения и доступ к информации»⁷ свобода выражения мнения может быть ограничена по соображениям национальной безопасности только в тех случаях, когда целью высказывания является подстрекнуть к неминуемому насилию или же оно может спровоцировать такое насилие и существует прямая и непосредственная связь между высказыванием и вероятностью или возникновением такого насилия.⁸ Генеральный секретарь ООН поддержал эту интерпретацию, заявив, что

Законы должны допускать уголовное преследование только за прямое подстрекательство к терроризму — т.е. речи, в которых непосредственно поощряется совершение преступления, которые произносятся с намерением вызвать уголовные действия и которые, вероятно, приведут к преступным действиям.⁹

В подобном ключе Специальный докладчик по вопросам поощрения и защиты прав человека в условиях борьбы с терроризмом пояснила, что, для того чтобы криминализация подстрекательства к терроризму соответствовала международному праву в области прав человека, оно должно, среди прочего, ограничиваться подстрекательством к действиям, являющимся по своему характеру действительно террористическими, включать реальный (объективный) риск совершения спровоцированного действия, а также прямо указывать на намерение как донести послыл, так и намерение данным послылом спровоцировать террористический акт.¹⁰

Артикль 19 и Институту Медиа Полиси известно, что, как и Кыргызстан, некоторые государства приняли законы против «экстремизма» дополнительно к законам о борьбе с терроризмом. Однако мы отмечаем, что ограничения высказываний, направленные на противодействие «экстремизму», являются *prima facie* незаконными в соответствии с международным правом из-за неопределенности

⁷ Йоханнесбургские принципы «Национальная безопасность, свобода выражения мнения и доступ к информации», октябрь 1995 г. Принципы, разработанные группой экспертов со всего мира и одобренные Специальным докладчиком ООН по вопросам свободы выражения мнений.

⁸ Там же, принцип 6.

⁹ Доклад Генерального секретаря, Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, A/63/337, 28 августа 2008 г., п. 62.

¹⁰ Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, 22 декабря 2010 г., A/HRC/16/51, пункты 29-32.

в Интернете и чрезмерности этой концепции. Комитет по правам человека подверг критике ее использование в национальном законодательстве для ограничения выражения мнений, поскольку она «является слишком расплывчатой для того, чтобы защищать отдельных граждан и объединения от произвола при ее применении».¹¹ Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом охарактеризовала это как «крайне важную практику, которая *prima facie* не согласуется с правами человека» и выразила «серьезную обеспокоенность в связи с использованием термина «экстремизм».¹² Далее она охарактеризовала категорию экстремистских преступлений как «особенно расплывчатую и спорную», «широкую и чересчур расплывчатую», способную «глубоко и с далеко идущими последствиями сказываться на правах человека» и, в конечном счете, «саму по себе несовместимую с осуществлением некоторых основных прав человека».¹³

Ограничения на «язык вражды»

Термин «язык вражды» не имеет определения в международном праве в области прав человека, хотя ООН и региональные уровни выдвинули различные широкие определения «языка вражды».¹⁴ Хотя общепринятого определения не существует, выражение ненависти по отношению к отдельному лицу или группе лиц на основе защищаемых характеристик можно разделить на три категории, различающиеся реакцией, которую международное право в области прав человека требует от Государств.¹⁵

¹¹ Заключительные замечания по Российской Федерации (CCPR/CO/79/RUS), п.20.

¹² Влияние политики и практики, направленных на предупреждение насильственного экстремизма и борьбу с ним, на права человека, Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, 21 февраля 2020 г., A/HRC/43/46, пункт 13.

¹³ Там же, п. 14.

¹⁴ Например, Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации (Комитет КЛРД) определил «язык вражды» как «форму высказываний, направленных против других, которые отвергают основные правозащитные принципы человеческого достоинства и равенства и стремятся подорвать репутацию индивидов и групп в оценке общества; см. Общую рекомендацию № 35, CERD/C/GC/35, пункт 7. Определения, принятые в контексте Совета Европы, см. в Рекомендации Комитета министров № R(97)20 о разжигании ненависти и Рекомендации Комитета министров № Rec(2010)5 о мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности.

¹⁵ См. также: Объяснение «языка вражды»: инструментарий, см. выше.

-
- Тяжелые формы «языка вражды», которые международное право **требует от Государств запрещать**, в том числе посредством уголовных, гражданских и административных мер, как в соответствии с международным уголовным правом,¹⁶ так и Статьей 20 (2) МПГПП;
 - Другие формы «языка вражды», которые Государства **могут запрещать** для защиты прав других в соответствии со Статьей 19 (3) МПГПП, такие как дискриминационные или мотивированные предубеждением угрозы или преследования;
 - «Язык вражды», который является **законным**, но, тем не менее, вызывает озабоченность с точки зрения нетерпимости и дискриминации, заслуживает критической реакции со стороны Государства, но должен быть защищен от ограничений в соответствии со Статьей 19 (3) МПГПП.

Обязанность запрещать

Статья 20 (2) МПГПП обязывает государство запретить законом «всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию». В этом контексте «выступление в пользу» следует понимать как намерение публично разжигать ненависть к целевой группе. Статья 20 (2) запрещает такое пропагандирование только в том случае, если оно достигает уровня подстрекательства, что, в свою очередь, подразумевает намерение говорящего побуждать других к совершению актов дискриминации, вражды или насилия. Хотя запрещаемый исход может в действительности и не произойти, термин «подстрекательство» четко подразумевает, что пропаганда ненависти должна создавать «неминуемый риск дискриминации, вражды или насилия в отношении лиц, принадлежащих [целевой группе]».¹⁷

Рабатский план действий предоставляет дополнительные авторитетные указания относительно объема ограничений, требуемых Статьей 20 (2).¹⁸ В этом документе изложены шесть ключевых критериев, которые следует учитывать.

¹⁶ Генеральная Ассамблея ООН, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, 9 декабря 1948 г., Сборник международных договоров ООН, т. 78, стр. 277, ст. 3 (с). В ней содержится конкретное требование для государств запретить прямое и публичное подстрекательство к геноциду посредством уголовного законодательства, а не другие, менее суровые, формы порицания, которые могут предлагаться административным или гражданским законодательством.

¹⁷ См., например, АРТИКЛЪ 19, Запрещение подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию, декабрь 2012 г..

¹⁸ Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ), **Рабатский план действий** по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, февраль 2013 г.

-
- *Контекст высказывания*: выражение мнения следует рассматривать в политическом, экономическом и социальном контексте, в которых оно было озвучено;
 - *Говорящий*: в частности, положение говорящего и его авторитет или влияние на аудиторию. Говорящий должен обращаться к широкой аудитории, и его высказывание должно включать пропаганду ненависти, направленную на защищаемую группу на основании защищаемых характеристик и являющуюся, среди прочего, подстрекательством к насилию;
 - *Намерение говорящего*: говорящий должен иметь конкретное намерение участвовать в пропагандировании насилия и иметь намерение или знать о вероятности подстрекательства аудитории к насилию;
 - *Содержание высказывания*: что было сказано, включая форму и стиль высказывания, содержало ли высказывание прямые или косвенные призывы к дискриминации, вражде или насилию, а также характер выдвинутых аргументов и баланс между аргументами;
 - *Значимость и масштаб высказывания*: анализ должен исследовать публичный характер выражения, средства высказывания, а также интенсивность или значимость высказывания с точки зрения его повторяемости или масштаба;
 - *Вероятность причинения вреда*, включая его неотвратимость.

Комитет по правам человека пояснил, что ограничения, налагаемые Статьей 20, должны соответствовать критерию из трех частей, изложенному в Статье 19 (3).¹⁹

Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации (Комитет КЛРД) также основал на базе этого теста свои рекомендации по соблюдению обязательства запрещать определенные формы выражения мнения согласно статье 4 МКЛРД.²⁰

Допустимые ограничения

Существуют формы «языка вражды», нацеленные на идентифицируемого чело-

¹⁹ Замечание общего порядка № 34 от 12 сентября 2011 г., CCPR/C/GC/34, пункт 50.

²⁰ Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, Общая рекомендация № 35: Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка, 26 сентября 2013 г., пп. 15–16. Комитет КЛРД указывает, что следует принимать во внимание пять контекстных факторов: содержание и форму речи; экономический, социальный и политический контекст; должность или статус говорящего; досягаемость речи; и цели выступления. Комитет КЛРД также указывает, что государства также должны учитывать намерение говорящего, а также неминуемость и вероятность причинения вреда.

века, но не обязательно пропагандирующие ненависть на более широкую аудиторию с целью подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию. Сюда входят дискриминационные угрозы противоправного поведения, дискриминационное преследование и дискриминационное нападение. Эти ограничения должны быть обоснованы согласно Статье 19 (3) МПГПП и тестом из трех частей, изложенным выше.

Законное выражение мнения

Независимо от того, как обычно определяется «язык вражды», необходимо иметь в виду, что не весь «язык вражды» можно правомерно ограничить. Международные стандарты свободы выражения мнения защищают высказывания оскорбительного, тревожного или шокирующего характера.²¹ Следовательно, ограничение выражения мнения исключительно на основании «оскорбления», причиненного отдельному лицу или группе лиц, не допускается. Шесть факторов, изложенных в Рабатском плане действий, первоначально предназначенные только для оказания помощи в применении статьи 20 (2) МПГПП, с необходимыми корректировками, обеспечивают полезное руководство для определения того, достигают ли другие формы «языка вражды» степени тяжести, который оправдывает их ограничение в соответствии со Статьей 19 (3).²²

Это не препятствует государствам принимать правовые и политические меры для преодоления глубинных предрассудков, для которых эта категория «языка вражды» симптоматична, или для максимального расширения возможностей для всех людей. Многие из этих позитивных мер изложены в Рабатском плане действий,²³ который во многом основывается на Камденских принципах свободы выражения мнений и равенства АРТИКЛЬ 19.²⁴

Учитывая окружающую концепцию путаницы, полезно добиться ясности в отношении категорий высказываний, которые не должны автоматически рассматриваться как «язык вражды». Сюда также входят высказывания, связанные с отрицанием исторических событий, оскорблением государственных символов или институтов и другими формами высказываний, которые некоторые люди и группы

²¹ Комитет по правам человека описывает объем права на свободу выражения мнений как включающий «глубоко оскорбительные» высказывания, *Общий комментарий* № 34, см. *выше*, п. 11. См. также, например, Европейский суд по правам человека, Хандисайд против Соединенного Королевства, жалоба №5493/72, 7 декабря 1976 г.

²² См. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение за 2019 год. A/47/486, п 24.

²³ См. *выше*.

²⁴ АРТИКЛЬ 19, *Камденские принципы свободы выражения мнения и равенства*, 2009 г.

могут счесть оскорбительными. Это, в частности, является проблемой двух сфер ограничений в Кыргызстане:

- **Диффамация религий/богохульство:** Право на свободу выражения мнения не может быть ограничено для защиты религий, связанных с ними идей или символов от критики или же для защиты чувств верующих от оскорблений или критики. Такие неправомерные ограничения могут принимать различные формы в национальных законах, включая прямое богохульство²⁵ и оскорбление религиозных чувств.²⁶ Международные стандарты в области прав человека четко указывают на то, что запрет на богохульство без дополнительного элемента подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию неправомерен.²⁷
- **Защита «государства» и государственных должностных лиц:** Международные стандарты не позволяют ограничений свободы выражения мнений, направленных на защиту «государства» или его символов от оскорблений или критики.²⁸ Эти организации не могут быть объектом «языка вражды», потому что они не люди и, следовательно, не обладают правами.²⁹ Для физических лиц, связанных с государством, таких как главы государств или другие публичные должностные лица, этот статус не является «защищаемой характеристикой», на которой могут быть основаны заявления о дискриминации или характеристика «языка вражды».

²⁵ Прямое богохульство направлено на защиту религии, ее доктрин, символов или почитаемых личностей от предполагаемой критики, противоречий, презрения, стигматизации, стереотипов или «диффамации».

²⁶ Оскорбление религиозных чувств направлено на защиту чувств группы лиц, «оскорбленных», «задетых» или «возмущенных» случаями богохульства против религии, с которой они себя идентифицируют.

²⁷ См. Рабатский план действий, см. выше; Замечание общего порядка № 34, см. выше, параграф 48 («запрещение демонстрации неуважения к религии или другой системе убеждений, включая законы о богохульстве, несовместимо с Пактом, за исключением особых обстоятельств, предусмотренных статьей 20, пункт 2 Пакта»). Комитет также подчеркнул, что было бы «недопустимо» «предотвращать или наказывать критику религиозных лидеров или комментарии к религиозным доктринам и догматам веры».

²⁸ См., например, Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, A/HRC/14/23, 20 апреля 2010 г. ; или Йоханнесбургские принципы, см. выше, п. 38.

²⁹ Там же, Йоханнесбургские принципы.

Законодательство Кыргызстана о языке вражды и обеспечение его выполнения

Конституционная база

Свобода выражения мнений гарантируется статьей 31 Конституции Кыргызстана. Однако она может быть ограничена в соответствии с общей ограничительной оговоркой, содержащейся в статье 20 (2), которая полностью соответствует критерию соразмерности статьи 19 (3) МПГПП.

Согласно Статье 31 запрещена любая «пропаганда национальной, этнической, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающая к дискриминации, вражде или насилию».

Этот запрет следует формулировке статьи 20 (2) МПГПП, поскольку он требует наличия подстрекательства к дискриминации, вражде или ненависти. Однако он также отличается двумя важными аспектами.

- Во-первых, шире перечень защищаемых характеристик. Хотя включение гендера в качестве защищаемой характеристики приветствуется, «другое социальное превосходство» — слишком расплывчатое понятие, которое поддается слишком широкой интерпретации.
- Во-вторых, «превосходство» не является синонимом «ненависти», наиболее существенное различие состоит в том, что оно не требует определенной степени остроты, ассоциируемой с ненавистью. Таким образом, «пропаганда превосходства» охватывает значительно более широкий диапазон высказываний, чем те, что запрещены статьей 20 (2) МПГПП.

Статья 4 Конституции также запрещает политические партии, общественные и религиозные объединения, «действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя, подрыв национальной безопасности, разжигание социальной, расовой, межнациональной, межэтнической и религиозной вражды». Наиболее сильно это ограничение отражается на свободе объединений.

Однако оно также ограничивает свободу выражения политических партий, организаций гражданского общества и религиозных объединений.

«Разжигание вражды» может толковаться гораздо шире, чем в статье 20 (2) МПГПП – или даже в статье 31 Конституции:

- Во-первых, неясно, всегда ли «разжигание вражды» должно быть преднамеренным, поскольку формулировка «направлены на» может пониматься как «нацелены на» или «имеющие эффект».
- Во-вторых, поскольку формулировка «действия» включает в себя акты выражения мнения, статья 4 не ограничивает их действиями, которые представляют собой (преднамеренную) пропаганду ненависти. Обычное прочтение этого положения предполагает, что даже хорошо аргументированные взгляды, выраженные в спокойной и рациональной манере (например, взгляды на автономии этнических меньшинств, языки меньшинств и т.д.), подпадут под этот запрет, если они будут сочтены способными «разжечь вражду».
- Еще одним проблемным аспектом этого положения является ссылка на «социальную вражду». Это понятие, которое почти невозможно определить узко, и поэтому им может быть легко злоупотреблять, чтобы ограничить критическое или спорное высказывание.

Уголовное право

Уголовный кодекс Кыргызстана включает в себя ряд проблемных положений, которые выходят за рамки ограничений, разрешенных международными стандартами в области прав человека, и этими положениями часто злоупотребляется для преследования лиц, критикующих государственные органы или правительство.³⁰

³⁰ К ним также относятся, например, статья 310 Уголовного кодекса, которая предусматривает ответственность за публичные призывы к насильственному захвату власти, и эти положения также используются для преследования лиц, критикующих государственные органы. Например, в мае 2020 года по заданию Государственного комитета национальной безопасности УВД по Таласской области господин Шабдан был доставлен из Чынарбека (Али Шабдан) в здание правоохранительных органов, где у него была взята пояснительная записка в связи с тем, что он разместил на своей странице в Facebook несколько постов с критикой действий властей. В июле 2020 года Государственный комитет национальной безопасности вызвал на допрос участницу стендап-шоу Назгуль Алымкулову за ее юмористическое видео, в котором лицо президента было наложено на лицо одного из известных американских рэперов. В июле 2020 года Арген Бактыбек уулу и его жена Эркин Асанбаева были вызваны на допрос в Следственную службу МВД КР за размещение мемов в социальных сетях.

В этом разделе основное внимание уделяется положениям, которые криминализируют «язык вражды» под эгидой «преступления против государства», а не преступления против личности. Это означает, что нарушения, связанные с «языком вражды», приравниваются к преступным действиям, таким как насильственное свержение правительства, вооруженные гражданские беспорядки или насильственный сепаратизм. Другими словами, защита людей от дискриминации или насилия на почве ненависти не считается основной целью криминализации «языка вражды». Это делает понятие вреда, причиненного преступными формами «языка вражды», гораздо более туманным, устраняя необходимость установить наличие или вероятность конкретного вреда защищаемым группам.

Уголовный кодекс содержит ряд соответствующих положений против «языка вражды».

Прямая криминализация «языка вражды»

Статья 313 Уголовного кодекса предусматривает уголовную ответственность за публичные заявления, «направленные на возбуждение расовой, этнической, национальной, религиозной или межрегиональной вражды (розни), унижение национального достоинства», а также за публичные высказывания, составляющие «пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности».

Это положение не соответствует требованиям статей 19 (3) и 20 (2) МПГПП по ряду причин:

- Оно включает расплывчатые понятия, которые нигде в законе не определены, но легко поддаются чрезмерно широкому толкованию, а именно: возбуждение вражды (разногласия), национальное достоинство (наиболее вероятно, в значении достоинства нации) и пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности;
- Защита «достоинства» абстрактных сущностей, таких как нация или народ, не может быть оправдана на основании защиты какой-либо из правомерных целей, перечисленных в Статье 19 МПГПП. Следовательно, криминализация высказывания, которое «унижает национальное достоинство», является априори незаконным ограничением, не говоря уже о недостатке правовой определенности, присущей использованию такого расплывчатого понятия;
- Включение понятия «межрегиональная вражда» не служит какой-либо заметной правомерной цели, учитывая, что акты насильственного сепаратизма квалифицируются как отдельное преступление, в то время как межэтнические отношения либо отношения национальных меньшинств уже охвачены в этом

положении понятием «этническая вражда». Более того, его значение слишком расплывчато, чтобы соответствовать требованию правовой определенности и обеспечить предсказуемость его применения.

- В статье 313 не разъясняется, что умысел говорящего вызвать запрещенные последствия является необходимым элементом преступления. Формулировка избегает установленного термина «подстрекательство», требующего наличия умысла, в пользу «разжигания/возбуждения», которое не используется во внутреннем законодательстве вне этого контекста. Следует также отметить, что текст не соответствует формулировке статьи 31 Конституции, которая запрещает только высказывания, подстрекающие к дискриминации, вражде или насилию. Хотя теоретически «разжигание вражды» может быть истолковано национальными судами в соответствии с МПГПП (т.е. требующим умысла вызвать дискриминацию, вражду или насилие), это категорически не так, как это понималось и применялось на практике;
- Положение не дает никаких указаний относительно требуемой степени вероятности того, что оспариваемое высказывание может вызвать реальную враждебность, дискриминацию или насилие. «Пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности» запрещена как таковая, без ссылки на какие-либо негативные последствия, которые она может или вероятно вызовет;
- Единственное предусмотренное наказание – это длительные тюремные сроки от 5 до 10 лет. Суровость наказания является вопиюще непропорциональной, особенно в той мере, в какой оно может быть применено к высказываниям, которые не привели и не предназначались для того, чтобы привести к насилию или другому серьезному реальному ущербу.

Непрямая криминализация под видом борьбы с «экстремистскими» организациями

Статья 314 Уголовного кодекса дополнительно предусматривает уголовную ответственность за создание «экстремистской организации» или управление ею. Ее первый абзац применяется только к организации(ям), «деятельность которой сопряжена с возбуждением национальной, этнической, расовой, религиозной или межрегиональной вражды (розни), унижением национального достоинства, пропагандой исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, места проживания». Похоже, что этот параграф не предназначен для наказания за деятельность организации, которая была официально объявлена экстремистской в соответствии с законодательством о борьбе с экстремизмом, поскольку последняя ситуация (т.е. деятельность официально запрещенной

организации) рассматривается отдельно во втором параграфе, где она влечет более суровое наказание.

С точки зрения свободы выражения мнения, уголовная ответственность учредителей и руководителей неправительственных организаций в соответствии с первым абзацем статьи 314 является весьма проблематичной по ряду причин:

- Она не служит видимой правомерной цели, учитывая, что «разжигание вражды» уже криминализовано как таковое. Несмотря на то, что юридические лица не могут нести уголовную ответственность в правовой системе Кыргызстана (т.е. только физические лица могут совершать уголовное преступление), это положение является фактическим ограничением свободы выражения мнения неправительственных организаций. Однако это не заменяет и не исключает уголовную ответственность лиц внутри организации, которые несут прямую ответственность за случаи «языка вражды», признанные уголовно наказуемыми в статье 313;
- Она расширяет и без того проблемное понятие «возбуждение вражды», добавляя новую защищаемую характеристику, а именно «место жительства». Ни одна из правомерных целей ограничения свободы выражения мнения не может служить убедительным оправданием ограничения, основанного на этом основании. Более того, его можно легко использовать в качестве запасной категории для наказания за правомерное выражение мнения, когда ни одно из других оснований не может быть достоверно установлено;
- «Сопряжена с» — это слишком свободный способ определения необходимой связи между организацией и актом «возбуждения вражды». Очевидно, что здесь не требуется, чтобы целью организации было «разжигание вражды». Фактически, формулировка настолько неопределенна, что при буквальном толковании это положение может применяться, скажем, к правозащитной организации, оказывающей юридическую помощь лицам, преследуемым за «язык вражды»;
- Она устанавливает форму строгой ответственности для учредителей и высшего руководства организации, основанной исключительно на их должности. Учитывая, что это положение предусматривает более мягкое наказание по сравнению со статьей 313, оно имеет смысл только в том случае, если предназначено для применения к лицам, которые сами не совершали «языка вражды».

Криминализация производства и распространения материалов, содержащих «язык вражды»

Статья 315 Уголовного кодекса предусматривает уголовную ответственность, в частности, за производство, распространение, транспортировку или пересылку экстремистских материалов, а также за приобретение или хранение таких материалов с целью их распространения. Поскольку «язык вражды», запрещенный статьей 313, включен в определение «экстремизма» в соответствии с национальным законодательством, статья 315 является дополнительной формой ограничения «языка вражды» путем нацеливания на каналы, через которые он может быть публично распространен.

Статья 315 является весьма проблематичным положением по нескольким причинам:

- Подобно статье 314, она устанавливает строгую ответственность производителей или распространителей «экстремистских материалов». Другими словами, она криминализирует производство, распространение или даже пересылку запрещенного контента независимо от намерений человека или, на первый взгляд, даже вне зависимости от того, знал ли он заранее о незаконном характере контента;
- Совершенно неясно, что считается «экстремистским материалом» в рамках этого положения. Уголовный кодекс не содержит определения этого термина, и хотя широкое определение «экстремистского материала» можно найти в законе о противодействии экстремизму (см. ниже), отсутствие определения в Уголовном кодексе вызывает серьезную озабоченность в отношении требования правовой определенности;
- Дополнительная неопределенность проистекает из того факта, что ни Уголовный кодекс, ни законодательство о борьбе с экстремизмом (см. ниже) не дают понять, только ли материал, уже объявленный экстремистским на основании предшествующего решения суда, может рассматриваться как «экстремистский материал». То есть неясно, применяется ли это положение только к производству или распространению материала, который уже запрещен как экстремистский на основании ранее существовавшего решения суда, или экстремистский характер материала может быть впервые установлен непосредственно в уголовном процессе в соответствии со статьей 314. Последнее толкование делает положение, безусловно, несовместимым с принципами правовой определенности. Однако даже первая интерпретация не снимает полностью таких опасений, учитывая, что полная и актуальная информация о материалах, объявленных экстремистскими, обычно недоступна;

-
- Предусмотренные штрафы непропорционально суровы. Наказания еще более суровы при наличии определенныхотягчающих обстоятельств, а именно, если такие действия совершены группой лиц или при финансовой или иной поддержке иностранных организаций или иностранных граждан. Невозможно найти правомерное оправдание для применения более сурового наказания в таких обстоятельствах.

Статья 315 нацелена на действующих лиц, которые сами не выражают мнений, но помогают другим осуществлять свою свободу выражения мнения. Это создает сильный стимул для таких субъектов проявлять осторожность и отказываться обрабатывать любые материалы, которые они посчитают потенциально опасными, — даже материалы, которые не попадают под и без того слишком широкие категории запрещенных высказываний, установленных в национальном законодательстве.

Законодательство о «борьбе с экстремизмом»

Законодательство Кыргызстана о «борьбе с экстремизмом» налагает дополнительные ограничения на свободу выражения мнений, которые действуют параллельно с уголовными мерами, о которых говорилось выше. Принимая во внимание, что Уголовный кодекс наказывает лиц, которые либо являются авторами запрещенных форм высказываний, либо считаются распространителями таких высказываний, Закон о противодействии экстремистской деятельности (ЗКРПЭД) позволяет государству напрямую нацеливать запрещенный контент.

«Язык вражды» как форма «экстремизма»

Статья 1 ЗКРПЭД определяет «экстремизм», перечисляя запрещенные «экстремистские» действия. Это обширный список, варьирующийся от серьезных преступлений с применением насилия (например, терроризма или государственного переворота) до неопределенных угроз национальной безопасности и расплывчато определенных форм высказываний, которые не равносильны подстрекательству к насилию или другому преступному поведению.

В рамках этого «определения» формы «экстремизма», которые можно условно определить как «язык вражды», в значительной степени совпадают с высказываниями, криминализованными по статье 313 Уголовного кодекса, но не полностью идентичны им. К ним относятся: (i) «возбуждение расовой, национальной (межэтнической) или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию»; (ii) «унижение национального достоинства»; и (iii) «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной (этнической), религиозной или языковой принадлежности».

Категории запрещенного «языка вражды» согласно ЗКРПЭД поднимают те же вопросы, что и статья 313 Уголовного кодекса, что означает, что они в равной степени не соответствуют требованиям статей 19 и 20 МПГПП:

- Законодательство о борьбе с экстремизмом в равной степени опирается на те же слишком широкие и неопределенные концепции;
- За исключением выражения «возбуждение социальной розни», которое требует «призывов к насилию», намерения говорящего кажутся несущественными, как и вероятность причинения этим выражением ощутимого вреда;
- За вышеупомянутым исключением, относящемся к «социальной розни», запрещенные высказывания не обязательно должны доходить до уровня подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию;
- Запрет «унижения национального достоинства» дополнительно проблематичен, поскольку он защищает абстрактную конструкцию, а не права отдельных лиц, и не имеет видимой связи с какими-либо другими правомерными целями ограничения свободы выражения мнения.

ЗКРПЭД еще больше расширяет рамки запрещенных высказываний, вводя две другие накладывающиеся друг на друга концепции.

- Во-первых, он признает «публичные призывы» к любому из вышеупомянутых «экстремистских» действий как акт «экстремизма» сам по себе (Статья 1 ЗКРПЭД). Следовательно, он прямо запрещает «язык вражды» и подобные выражения как основную форму «экстремистской деятельности», а также запрещает высказывания, которые могут быть истолкованы как подстрекательство к «языку вражды».
- Во-вторых, статья 1 ЗКРПЭД вводит понятие «экстремистские материалы», которое относится к любому медию, в котором запрещенный «экстремистский» контент может быть опубликован или подготовлен к публикации. По своему содержанию «экстремистские материалы» определяются как материалы, «призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное (этническое) и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы».

Таким образом, «экстремистский материал» — это не только материал, который содержит выражения, прямо запрещенные как форма «экстремистской деятельности» в части первой статьи 1 ЗКРПЭД. Это также материал, который может не иметь подобных высказываний как таковых, но рассматривается как «призывающий» или «обосновывающий или оправдывающий» их. В своей сути неопределенные понятия «обоснование» и «оправдание» весьма проблематичны, даже если они используются в связи с бесспорно серьезными угрозами, такими как терроризм. Они еще более проблематичны, когда применяются в смысле высказывания, которое «обосновывает или оправдывает» другие формы высказываний.

Это определение «экстремистского материала» прямо расширяет охват запрещенных высказываний за пределы «языка вражды», включая правомерное выражение мнения, которое не должно быть ограничено каким-либо образом. Например, его можно применить к газетной колонке, в которой выражается несогласие с осуждением конкретного лица за экстремистское преступление и объясняется, что заявления этого человека не были языком вражды, даже если журналист не воспроизводит ни одной из их оригинальных, предположительно подстрекательских формулировок.

Меры против «экстремистских высказываний»

ЗКРПЭД вводит меры, направленные непосредственно на запрещенный контент, а также меры, которые делают это косвенно, наказывая СМИ и организации гражданского общества за публикацию запрещенного контента.

Контент может быть исключен из любой формы публичного распространения в силу того, что он официально признан экстремистским материалом, с последующим включением его в официальный список экстремистских материалов. Является ли конкретный контент «экстремистским материалом» определяется судом (статья 13 ЗКРПЭД).

В качестве альтернативы генеральная прокуратура и государственные регулирующие органы могут издавать предписания в адрес организаций гражданского общества и СМИ с целью удаления контента, который они считают «экстремистским» (статьи 6-8). ЗКРПЭД прямо предусматривает возможность обжаловать предписания, вынесенные в отношении неправительственных и религиозных организаций, но не в отношении СМИ. Если организация не выполняет предписания или получает второе предписание в течение года, ей грозит обязательное окончательное закрытие (единственная форма наказания, предусмотренная в этом контексте). В то же время эти положения утратили силу после принятия новой редакции Конституции Кыргызстана в 2010 году, которая внесла существенные изменения в полномочия прокуратуры. Прокуратура больше не вправе проверять деятельность юридических лиц с частной формой собственности. Таким образом, статьи 6-8 ЗКРПЭД противоречат конституционным положениям.

Предписания в адрес СМИ могут быть вынесены за распространение экстремистских материалов или когда соответствующий орган обнаруживает «признаки экстремистской деятельности» в их деятельности. Эта формулировка подразумевает, что предписания могут использоваться в качестве превентивной меры, когда действия, широко сформулированные и запрещенные статьей 1 ЗКРПЭД еще не совершены — это дает регулирующим и правоохранительным органам, уполномоченным выносить предписания, исключительно широкое поле для использования данной меры. Следовательно, хотя поначалу предписания могут показаться относительно мягкой мерой, они позволяют множеству несудебных органов вмешиваться в контент, создаваемый медиа-организациями, под угрозой окончательного закрытия. Это, в свою очередь, лишает судебные гарантии, предусмотренные статьей 13, какой-либо практической ценности.

ЗКРПЭД также нацелен на организации и СМИ, ответственные за распространение «экстремистских» либо разжигающих ненависть высказываний. Единственные меры, предусмотренные в этом отношении, — это постоянный запрет на деятельность организаций гражданского общества и религиозных организаций (с возможностью немедленной приостановки, пока решение о запрете еще не принято — статьи 9 и 10 соответственно) а в случае СМИ — окончательное закрытие (статья 11).

Следовательно, согласно ЗКРПЭД, СМИ должны быть закрыты, если они не выполняют предписания, а также они могут быть закрыты за распространение экстремистских материалов или «осуществление экстремистской деятельности» без либо независимо от наличия предварительного предписания. Эти два варианта доступны параллельно, оставляя на усмотрение соответствующих органов право выбора, хотят ли они сначала предпринять меры предосторожности или немедленно начать процедуру прекращения деятельности.

Кроме того, ЗКРПЭД позволяет властям добиваться прекращения деятельности средства массовой информации либо неправительственной организации за любое нарушение статьи 1 ЗКРПЭД, не принимая во внимание масштабы или повторяемость незаконного поведения, намерения организации, ее более широкие цели или наличие смягчающих обстоятельств. В то же время, это *не требует* от властей так поступать (за исключением несоблюдения предписания, когда прекращение деятельности является обязательным). Такая практически неограниченная свобода действий допускает полный произвол в применении меры. Это не может совмещаться с требованием законности в соответствии со статьей 19 (3) МПГПП.

Меры, предусмотренные статьями 9–11, также не соответствуют требованию соразмерности. Постоянный запрет либо закрытие, очевидно, являются наиболее ограничительной мерой, которая может быть применена к СМИ или другой орга-

низации. Его следует разрешить использовать только в качестве крайней меры в самых исключительных обстоятельствах, например, когда «язык вражды» носит особо серьезный характер, представляя исключительно серьезную общественную угрозу, или когда серьезные паттерны «языка вражды» сохраняются и ранее применявшиеся менее ограничительные меры оказались недостаточными. Однако, помимо весьма проблематичного механизма предписания, описанного выше, ЗКРПЭД не предусматривает каких-либо менее ограничительных мер, таких как механизмы саморегулирования и подачи жалоб, право на ответ, финансовые штрафы или временное приостановление.

Согласно ЗКРПЭД, организации могут быть запрещены либо закрыты только на основании решения суда. Однако эта гарантия имеет небольшую практическую ценность, учитывая фундаментальные проблемы, связанные с правовой базой, обсуждавшейся выше, а именно расплывчатость и чрезмерность ключевых определений (которые, как следствие, не имеют предсказуемости в их применении) и неограниченную свободу действий, предоставленную властям при принятии решения о применении этих санкций.

Обеспечение выполнения законов о «языке вражды»

Ясно, что необходим серьезный пересмотр действующего законодательства о «языке вражды», чтобы привести его в полное соответствие с международными обязательствами Кыргызстана в области прав человека. Запрещенные категории «языка вражды» определены слишком широко и расплывчато, чтобы соответствовать критерию законности согласно Статье 19 (3) МПГПП, а наказания, предусмотренные для отдельных лиц, организаций гражданского общества и средств массовой информации, являются непропорционально суровыми.

Тем не менее, есть предел тому, насколько конкретным может и должен быть закон. Задача судов и исполнительных органов – устранять неизбежные неясности путем толкования и применения законов в соответствии с международным правом. Некоторые (но не все) недостатки законов о «языке вражды», описанные выше, можно было бы преодолеть или свести к минимуму на стадии исполнения, если бы суды, правоохранительные органы и государственные регулирующие органы толковали эти законы узко с учетом права свободы выражения мнений, как это гарантируется международным правом и конституцией. В Кыргызстане это не практиковалось.

В данном отчете не представляется возможным провести всесторонний обзор судебной практики по «языку вражды». Судебные решения (в том числе по уголовным делам), как правило, не публикуются, периодические сообщения в СМИ о

более значительных делах обычно не содержат достаточно подробностей о содержании оспариваемых заявлений или аргументов суда. Однако Институт Медиа Полиси, собрал достаточно данных в ходе своей работы по мониторингу и судебным разбирательствам, чтобы выявить определенные установленные закономерности в подходе судов к делам о «языкам вражды».

- Эти данные позволяют нам сделать вывод о том, что при определении того, является ли конкретное высказывание «экстремистским» (т. е. подпадает под любую из запрещенных категорий «языка вражды»), суды сосредотачиваются **исключительно на формулировке высказывания**. Не предпринимается никаких попыток установить и оценить другие решающие факторы, такие как намерение говорящего, контекст, в котором было сделано заявление (как в узком смысле большого акта выражения мнения, частью которого это высказывание является, так и в более широком смысле социального, политического и экономического контекста), или вероятность какого-либо конкретного вреда, причиненного заявлением. Таким образом, похоже, что ни суды, ни правоохранительные органы, возбуждающие и/или расследующие дела о преступлениях на почве ненависти, не считают эти факторы значимыми.
- **Намерение говорящего** является важнейшим и отличительным элементом «языка вражды», запрещенного статьей 20 (2) МПГПП. Следовательно, применение существующих положений уголовного законодательства о «языке вражды» будет соответствовать международному праву только в том случае, если национальные суды истолковывают их как требующие: (i) намерения говорящего вести пропаганду ненависти; (ii) намерение говорящего нацелить высказывание на защищаемую группу на основе защищаемой характеристики; и (iii) осведомленность говорящего о том, что в данном контексте в то время это высказывание могло привести к запрещенному результату. Однако на практике намерение говорящего (например, «вызвать раздор») автоматически подразумевается, как только выясняется, что язык оспариваемого утверждения достиг необходимого уровня оскорбительности.
- Подобным образом суды не занимаются даже самой поверхностной оценкой того, насколько вероятно, что оспариваемое заявление **должно было причинить вред**, то есть насколько вероятно, что оно приведет к любому из результатов, запрещенных уголовным законодательством (например, межэтническая или межнациональная, религиозная вражда либо рознь). Ни реальная способность говорящего влиять на аудиторию, ни вероятное восприятие высказывания аудиторией не считаются важными. Вместо этого суды (а также прокуратуры и регулирующие органы) принимают то, что можно охарактеризовать как «магическое мышление» в отношении «языка вражды»: имеет значение только сам язык, и как только выясняется, что язык трансгрессивен, автоматически

подразумевается вред, независимо от каких-либо внешних факторов. Власти не считают, что у аудитории выступления есть собственный фактор, который будет определять, как аудитория будет интерпретировать, поддаваться влиянию и реагировать на речь, включая способность аудитории отвечать контрречью.

- Точно так же очевидное отсутствие вреда не рассматривается как обстоятельство, исключаящее – или, по крайней мере, резко уменьшающее – ответственность говорящего. В некоторых случаях серьезные уголовные санкции применялись за высказывания, которые уже были общественным достоянием в течение значительного периода времени (год или дольше), без каких-либо доказательств причинения вредных последствий.

Такое полное игнорирование контекста и намерений делает применение ограничений «языка вражды» не только чрезмерным, но и контрпродуктивным по отношению к самой цели этих ограничений. Это оказывает сдерживающее воздействие на общественные дебаты и сообщения средств массовой информации по теме языка вражды, его первопричинам, распространенности и требуемым ответам. В одном случае было возбуждено уголовное дело против репортера новостного веб-сайта, который сообщил о подлинные случаях «языка вражды» с целью критики властей за отсутствие реакции.

В качестве ответвления строго текстуального подхода суды **чрезмерно полагаются на заключения экспертов в форме лингвистических экспертных оценок**, которые де-факто являются обязательными во всех судебных разбирательствах по поводу «языка вражды». Это делается за счет независимого анализа судом всех относящихся к делу обстоятельств, включая используемый язык. Будь то уголовный процесс или гражданское судебное разбирательство об ограничении «экстремистских материалов», судьба дела о «языке вражды» решается на основе выводов экспертного заключения. В лучшем случае суд может назначить новую экспертизу, если сочтет, что качество исходного заключения слишком низкое с методологической точки зрения. Однако ни АРТИКЛЬ 19 ни Институту Медиа Полиси не известно ни одного примера, когда суд пришел бы к выводам по существу, отличным от того, что было принято в качестве окончательного заключения экспертизы по делу.

Примечательно, что судьям никогда не приходит в голову, что имеет значение только то, как оспариваемые утверждения были или могут быть восприняты их целевой аудиторией, а не экспертами в области лингвистики, – и поэтому в этом смысле сами судьи должны быть в полной мере способны на понимание и оценку их значения без участия «экспертов». Один из самых ярких примеров такого крайнего почтения к экспертам: потребовалось четыре экспертных заключения, чтобы

оправдать человека за глупый, хотя и довольно грубый, короткий комментарий, который он разместил в Facebook. Упомянутый комментарий представлял собой единственное предложение о ностальгии людей по советской эпохе, которое не содержало никаких дискриминационных или ненавистнических высказываний по отношению к какой-либо конкретной защищаемой группе.

Единственным фактором, который суды и следственные органы считают важным помимо языка заявления, является его **публичный характер**. Однако это имеет значение только в том случае, если заявление было обнаружено в любой форме. Нет очевидной разницы в том, как обрабатываются случаи «языка вражды» в зависимости от их степени и масштабности, нет различий между, например, комментарием пользователя на платформе социальной сети, который был просмотрен горсткой людей, и материалом, широко распространенным в основных средствах массовой информации, или же находящемся между разовым и многократным распространением.

Наконец, суды не принимают во внимание **конфликтующие интересы** свободы выражения мнения, не пытаются найти баланс между необходимостью ограничения «языка вражды» и необходимостью защиты свободы выражения мнения в отдельных случаях. На самом деле право зависимых на свободу выражения мнения не обсуждается даже самым поверхностным образом.

Дело «Сентябрь ТВ»

Заккрытие частной телекомпании Телеканал «Сентябрь» обнажило многие системные проблемы, связанные с практикой использования антиэкстремистского законодательства для ограничения языка вражды.

В августе 2018 года генеральная прокуратура обратилась в районный суд Бишкека с ходатайством о признании интервью, транслируемого каналом, «экстремистским материалом» и на этом основании окончательном прекращении деятельности канала и запрете распространения любых программ канала через любые другие средства массовой информации. После непродолжительного слушания, на котором представители канала не были заслушаны, суд полностью удовлетворил ходатайство генпрокуратуры.

Интервью, о котором идет речь, транслировалось в прямом эфире более года назад, и его запись не была сделана общедоступной после трансляции. Это было интервью с известным оппозиционером и бывшим высокопоставленным сотрудником правоохранительных органов г-ном Капаровым. Оно транслировалось в рамках программы, посвященной текущим событиям, в которой обсуждались исторические события в Ошской области Кыргызстана, где в июне 2010 г. вспыхнули ожесточенные столкновения между киргизской и узбекской общинами.

Г-н Капаров долгое время критиковал то, как центральные власти справляются с этими событиями. В интервью г-н Капаров рассказал о торжествах, которые когда-то проходили в школе для узбекского меньшинства, что, по его мнению, было неприемлемым проявлением национализма. Он не использовал формулировки, которые можно было бы рассматривать как оскорбительные или дискриминационные. Тем не менее, именно та часть интервью была признана «экстремистской». Перед слушанием дела Телеканала «Сентябрь» сам г-н Капаров был осужден за то же заявление в рамках отдельного уголовного процесса. Он был признан виновным в «возбуждении национальной (межэтнической), расовой, религиозной или межрегиональной вражды».

Артикль 19 и Институт Медиа Полиси считают решение против канала «Сентябрь» весьма проблематичным по ряду причин:

- Оспариваемые заявления, сделанные в интервью, не обнаруживают никаких признаков «языка вражды», который может быть правомерно запрещен согласно международному праву;
- Единственным основанием для решения суда был «экстремистский» характер оспариваемых заявлений, даже несмотря на то, что дело касалось телепрограммы, в которой были сделаны эти заявления. Суд не исследовал содержание или цели программы как таковой. Важно отметить, что суд не исследовал намерения журналистов, стоящих за интервью;³¹
- Суд не исследовал, вызвало или могло ли интервью вызвать какие-либо конкретные негативные последствия. В этой связи суд не обратил внимания на тот факт, что интервью было разовой трансляцией, которая проводилась более чем за год до слушания, и его запись не была доступна для общественности;

³¹ См. также: Европейский суд по правам человека, *Джерсилд против Дании*, жалоба № 15890/89, 23 сентября 1994 г. Суд обратил внимание на «способ, которым была подготовлена [программа, содержащая оскорбительные высказывания], ее содержание, контекст, в котором она транслировалась, и цель программы» и «имел ли своей целью объект, о котором идет речь, при рассмотрении его с объективной точки зрения и как единое целое, распространение расистских взглядов и идей» (пункт 31). Он подчеркнул, что «репортажи, основанные на интервью, независимо от того, редактировались они или нет, представляют собой одно из наиболее важных средств, с помощью которых пресса может играть жизненно важную роль «общественного сторожевого пса» [...] Наказание журналиста за содействие распространению заявлений, сделанных другим лицом во время интервью, серьезно затруднило бы вклад прессы в обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес, и не должно предусматриваться, если для этого нет особо веских причин» (пункт 35).

-
- Суд не заслушивал представителей канала и не запрашивал никаких доказательств помимо того, что было представлено генеральным прокурором. Он также не исследовал интервью напрямую, вместо этого полагаясь на заявления генеральной прокуратуры. Суд полностью и некритически согласился с выводами экспертного заключения, кратко изложенными в представлении генерального прокурора;
 - Ни разу суд не рассмотрел столь важного фактора, как право канала на свободу выражения мнения;
 - Закрытие всего канала было явно несоразмерной мерой. Суд вынес такое решение исключительно на основании «экстремистского» характера единственной программы. Суд не исследовал программы канала в целом и не пытался объяснить, почему ограничения оскорбительного контента было бы недостаточно;
 - Не было никаких оправданий для удаления всего остального контента, создаваемого каналом. Суду не было представлено, как и судом не было запрошено никаких доказательств того, что какой-либо другой контент содержал «экстремистские» материалы.

Ключевые проблемы национального законодательства и обеспечения его выполнения

Анализ законодательства о «языке вражды», включенный в этот отчет, выявляет ряд серьезных недостатков, которые делают это законодательство несовместимым с международными стандартами свободы выражения мнения. В частности:

- Законодательство опирается на чрезмерно расплывчатую и неопределенную терминологию для определения форм запрещенного высказывания. Это позволяет его слишком широкое толкование и злоупотребление, позволяя властям ограничивать законное выражение мнения просто потому, что оно является критическим или оскорбительным, или потому, что оно не соответствует нарративам, одобренным государством;
- Законодательство не вносит ясность в то, является ли намерение говорящего причинить определенный вред (дискриминация, враждебность или насилие) обязательным элементом запрещенных форм языка вражды;
- Законодательство не требует, чтобы запрещенный «язык вражды» мог вызывать определенные вредные последствия (дискриминация, враждебность или насилие). Это позволяет его чрезмерно широкое и формалистическое применение, которое фокусируется только на содержании оспариваемого высказывания, но не принимает во внимание контекст или вероятное восприятие аудитории;
- Санкции против лиц, совершивших акты «языка вражды», ограничиваются особо суровыми уголовными наказаниями. Эти наказания могут быть оправданы только в самых исключительных узко определенных случаях, которые связаны с подстрекательством к насильственным действиям, но они несоразмерны для большинства случаев преступного «языка вражды», как это определено в Уголовном кодексе;
- Вдобавок к прямой криминализации «языка вражды», уголовное законодательство отдельно предусматривает ответственность за распространение материалов, содержащих «язык вражды», очевидно, когда это делается по

небрежности, а не умышленно (поскольку последнее будет подпадать под прямую уголовную ответственность). Это еще больше расширяет сферу действия уголовных ограничений, выходя за их правомерные рамки, дополнительно нацеливаясь на лиц и организации, которые сами не высказываются, но способствуют осуществлению своего права на свободу выражения мнения другими;

- Возможные санкции против юридических лиц (СМИ, гражданские и религиозные организации) в основном сводятся к постоянным запретам и закрытию. Эти меры могут применяться при любом нарушении ограничений в отношении «языка вражды», установленных законодательством о «борьбе с экстремизмом», независимо от их серьезности, масштаба или частоты. Дискреционные полномочия властей при наложении этих санкций слишком широки, чтобы гарантировать произвольное и предсказуемое применение закона. Закрытия и запреты являются наиболее суровыми мерами, которые могут быть приняты против организаций и средств массовой информации. Они оправданы только в самых исключительных обстоятельствах, когда менее ограничительных мер недостаточно. В большинстве случаев, когда их применение разрешено действующим законодательством, они явно несоразмерны;
- Несмотря на то, что запрет «экстремистских материалов» и прекращение деятельности организаций либо СМИ могут быть осуществлены только судом, эта мера лишена практической ценности, поскольку соответствующее законодательство слишком расплывчато и двусмысленно, чтобы предоставить достаточное руководство для действий судебной системы.

Хотя некоторые из этих недостатков в законодательстве о «языке вражды» можно исправить путем ограниченного толкования с соблюдением прав человека, реальная практика его применения судами, правоохранительными и регулируемыми органами показывает совершенно иную картину:

- Определения «языка вражды», содержащиеся в законодательстве, толкуются не узко, а широко;
- При определении того, является ли данное утверждение запрещенной формой «экстремистского» высказывания либо «языка вражды», не принимаются во внимание намерения говорящего, контекст высказывания, его аудитория или вероятность причинения вреда. Власти применяют подход «магического мышления» к «языку вражды», при котором вредные последствия, такие как этническая или религиозная «рознь», автоматически подразумеваются в трансгрессивном языке высказывания;

-
- Суды и правоохранительные органы полностью полагаются на заключения лингвистических экспертов в своих оценках предполагаемого «языка вражды» за счет собственного независимого анализа содержания высказывания и других соответствующих обстоятельств. Такое полное и совершенно неуместное использование лингвистической экспертизы перекладывает ответственность де-факто с судов и правоохранительных органов на судебных экспертов, которые по определению не обладают квалификацией и не уполномочены выносить решения по вопросам права;
 - Соображения, касающиеся защиты свободы выражения мнения, не подлежат судебному анализу в делах о «языке вражды». Влияние уголовных санкций или других ограничений на свободу выражения мнения не рассматривается судами как существенный фактор. Следовательно, суды не пытаются оценить, является ли ограничение строго необходимым и соразмерным требованиям международного права в области прав человека.

Рекомендации

Артикль 19 и Институт Медиа Полиси считают, что необходимо серьезно пересмотреть законы об «экстремизме» и «языке вражды», чтобы привести их в соответствие с международными обязательствами Кыргызстана и достичь правильного баланса между защитой людей от дискриминации и насилия на почве ненависти, с одной стороны, и защитой права на свободу выражения мнения с другой. Для начала, эти две цели не должны рассматриваться директивными органами, судами и другими заинтересованными сторонами как взаимоисключающие. Когда свобода выражения мнений чрезмерно ограничена, это подавляет общественные дискуссии по вопросам дискриминации, предрассудков и ненависти, их первопричин и возможных решений; это также заглушает голоса меньшинств и маргинализированных слоев населения. Таким образом, в конце концов, ограничения становятся контрпродуктивными для той цели, которой они призваны служить.

Однако реформирование законодательства – это только часть ответа. Не менее важно, чтобы закон толковался и применялся в соответствии со стандартами прав человека и, в частности, с гарантиями права на свободу выражения мнения. Фактически, значительные позитивные изменения могут быть достигнуты даже до завершения столь необходимой реформы, при условии, что суды и правоохранительные органы будут применять соответствующее законодательство со ссылкой на международные обязательства Кыргызстана в области прав человека – например, путем тщательной оценки необходимости и соразмерности ограничительных мер в каждом отдельном случае.

Артикль 19 и Институт Медиа Полиси рекомендуют правительству Кыргызстана следующее:

- Определения, содержащиеся в Статье 313 Уголовного кодекса, следует существенно пересмотреть, чтобы прояснить, что это положение применяется только к высказываниям, которые равносильны подстрекательству к дискриминации, вражде или насилию, что, в свою очередь, требует доказательства умысла вызвать дискриминацию, враждебность или насилие. Такое преступление как «унижение национального достоинства» следует полностью исключить;
- Законодателям настоятельно рекомендуется рассмотреть возможность отнесения преступных форм «языка вражды» к категории преступлений против личности (в настоящее время они классифицируются как преступления против государства). Однако, независимо от классификации, приговоры к лишению свободы следует предусматривать только за самые серьезные формы

подстрекательства к насильственным действиям, тогда как менее суровые наказания, такие как общественные работы и штрафы, должны применяться по умолчанию;

- Статья 314 Уголовного кодекса, предусматривающая наказание лиц, причастных к руководству либо управлению «экстремистскими» организациями, должна ограничиваться только организациями, которые были официально запрещены, т.е. строго в качестве санкции за нарушение ранее существовавшего запрета на деятельность. В любых других случаях преступной деятельности, подпадающей под текущее понятие «экстремизма», включая «язык вражды», запрещенный статьей 313, только виновные должны нести уголовную ответственность в соответствии с положениями Уголовного кодекса, которые прямо криминализируют соответствующие действия. Старшие менеджеры или учредители организаций не должны нести субсидиарной ответственности. Кроме того, тот факт, что акты «языка вражды» совершаются лицом, связанным с гражданской организацией, не должны быть автоматически расценены как отягчающее обстоятельство или влечь за собой более строгие наказания;
- Статью 315 Уголовного кодекса, предусматривающую наказание лиц, причастных к подготовке или распространению «экстремистских» материалов (т.е. включая материалы, содержащие преступный «язык вражды»), следует отменить. Если такие действия совершаются умышленно, лицо должно нести ответственность непосредственно в соответствии с положениями Уголовного кодекса, которые криминализируют соответствующую категорию «экстремистских» действий (например, статья 313) – как прямые преступники или как соучастники. Не должно быть дополнительной ответственности для тех, кто участвует в распространении запрещенного материала непреднамеренно (например, по небрежности или по неосторожности);
- Возмещение ущерба в соответствии с гражданским правом должно быть доступно как менее ограничительная альтернатива уголовным санкциям (а в случае организаций и СМИ – квазиуголовным санкциям, таким как закрытие или приостановление полномочий). Сюда входят возможность для жертв «языка вражды» и НПО добиваться возмещения материального и нематериального ущерба, права на исправление и ответ (в случае «языка вражды» в СМИ) и/или публичные извинения;
- Во всем соответствующем законодательстве следует последовательно определять запрещенные формы «языка вражды» и соблюдать терминологическое единообразие, включая последовательный подход к защищаемым характеристикам;

-
- Все правовые ограничения на «язык вражды» должны соответствовать требованиям законности (т.е. они должны быть достаточно ясными и точными), необходимости (т.е. они должны быть необходимы для достижения одной из правомерных целей ограничения свободы выражения мнения в соответствии с международным правом, например, защита прав других лиц) и соразмерности (т.е. конкретное ограничение может быть наложено только в том случае, если менее ограничительной альтернативы недостаточно). Все юридические ограничения на «язык вражды» должны быть сформулированы со ссылкой на шестифакторную проверку, изложенную в Рабатском плане действий.

Артикль 19 и Институт Медиа Полиси выступают против использования неопределенного по своей сути понятия «экстремизм» в качестве основы для ограничения прав, и мы настоятельно рекомендуем отменить «контрэкстремистские» законы в их нынешней форме. Как минимум все формы выражения мнений, не являющиеся прямым подстрекательством к насилию, должны быть исключены из сферы действия «контрэкстремистских» законов и, соответственно, из сферы применения «контрэкстремистских» мер, таких как списки запрещенных экстремистских материалов, предписания гражданским организациям и СМИ, запреты «экстремистских» организаций и закрытия СМИ.

Артикль 19 и Институт Медиа Полиси также рекомендуют следующие шаги для улучшения выполнения существующего законодательства, а также для обеспечения выполнения любого будущего законодательства с соблюдением прав человека:

- Суды должны толковать и применять все законодательные положения, ограничивающие «язык вражды» и «экстремизм», в соответствии с требованиями международного права в области прав человека, в частности, статьи 19 (3) и статьи 20 (2) МПГПП (как интерпретируется в Рабатском плане действий). Это включает в себя толкование нынешних определений запрещенного «языка вражды» в узком смысле, таким образом, чтобы, где это возможно, они сводились к пропаганде ненависти, равносильной подстрекательству к дискриминации, вражде или насилию;
- При определении того, попадает ли конкретное утверждение в запрещенную категорию, анализ никогда не должен ограничиваться языком этого утверждения. Суды и правоохранительные органы, отвечающие за расследование дел о «языке вражды», всегда должны устанавливать намерение говорящего вызвать запрещенные последствия. Кроме того, они всегда должны учитывать вероятность причинения вреда высказыванием — и, в связи с этим, контекст, в котором оно было сделано, его масштабы, а также положение говорящего и его авторитет или влияние на аудиторию;

-
- Суды и правоохранительные органы должны свести к минимуму использование экспертных оценок в делах о «языке вражды». Им следует обращаться за экспертным мнением только в том случае, если действительно необходимы специальные знания для интерпретации или оценки конкретных доказательств. Суды ни в коем случае не должны подменять анализом, проведенным экспертами, свою собственную оценку;
 - Судьи, сотрудники правоохранительных органов и другие соответствующие должностные лица (например, те, кто занимается регулированием деятельности СМИ) должны проходить всестороннюю и регулярную подготовку по международным стандартам в области прав человека и сравнительной передовой практике, касающейся «языка вражды»;
 - В сотрудничестве с экспертами и гражданским обществом правоохранительные органы должны разработать руководящие принципы расследования дел о «языке вражды» в соответствии с международными стандартами в области прав человека.

Об АРТИКЛЬ 19 и Институте Медиа Полиси

АРТИКЛЬ 19 выступает за разработку прогрессивных стандартов свободы выражения мнений и свободы информации на международном и региональном уровнях, а также за их внедрение во внутренние правовые системы. Программа Law Program выпустила ряд публикаций, устанавливающих стандарты, которые описывают международное и сравнительное право, а также передовой опыт в таких областях, как закон о диффамации, свобода слова и равенство, доступ к информации и регулирование вещания.

На основе этих публикаций и общей правовой экспертизы АРТИКЛЯ 19 организация ежегодно публикует ряд юридических анализов, комментарии к законодательным предложениям, а также к существующим законам, которые затрагивают право на свободу выражения мнения. Эта аналитическая работа, проводимая с 1998 года в качестве средства поддержки позитивных усилий по реформированию законодательства во всем мире, часто приводит к существенным улучшениям в предлагаемом или существующем внутреннем законодательстве. Все наши анализы доступны на <http://www.article19.org/resources.php/legal>

Для получения дополнительной информации о работе АРТИКЛЬ 19 в Кыргызстане, Европе и Центральной Азии вы можете связаться с нами по электронной почте eca@article19.org

Институт Медиа Полиси работает в Кыргызстане с 2005 года. Это независимая, некоммерческая организация работает в области свободы слова, выражения мнения и информации, а так же вносит свой вклад в развитие верховенства закона. Юристы – эксперты Института Медиа Полиси анализируют инициативы и предложения по национальному законодательству, регулирующему свободу слова и СМИ, а так же доступ к информации. Институт Медиа Полиси основываясь на разработанных материалах проводят успешные кампании по продвижению прав журналистов и СМИ, а так же ведут разработку национального законодательства о СМИ, чтобы привести его в соответствие с международными обязательствами Кыргызстана. Юристы Института Медиа Полиси защищают интересы журналистов и СМИ в судах, консультируют граждан по различным вопросам связанным со свободой слова и доступом к информации, по средством своих регулярно публикуемых статей, аналитических материалов и исследований.

DEFENDING FREEDOM OF EXPRESSION AND INFORMATION

ARTICLE 19 Free Word Centre 60 Farringdon Road London EC1R 3GA

T +44 20 7324 2500 F +44 20 7490 0566

E info@article19.org W www.article19.org Tw [@article19org](https://twitter.com/article19org) facebook.com/article19org